Вестник МГТУ, том 4, №2, 2001 г. стр.227-232

Последствия рыночных преобразований и интеграции рыбной отрасли в европейское и мировое рыбное хозяйство

А.М. Васильев, Ю.Ф. Куранов

Институт экономических проблем КНЦ РАН

Аннотация. В статье показано негативное влияние рыночных преобразований и глобализации на доступ российских рыбаков к водным биологическим ресурсам. Приведены данные о состоянии рыбопромыслового флота, о негативном влиянии на экономику приобретения судов по бербоут-чартеру и о мерах, принимаемых государственными органами для строительства траулеров на российских верфях. Рассмотрены проблемы, связанные с большими объемами вывоза рыбопродукции с моря за рубеж, минуя российские порты.

Abstract. The paper has considered and analyzed the negative influence of market transformations and globalization on the Russian fish industry, on the problem of fleet upgrading and foreign trade of fish products. The author has analysed the problems of fish products' exportation abroad passing the Russian ports.

1. Введение

Рыночные преобразования усилили влияние международных органов на регулирование рыболовства и конкуренцию за водные биологические ресурсы Мирового океана, особенно за ценные виды, привели к коренным изменениям в дислокации российского рыболовного флота.

Новая экономическая среда обуславливает необходимость приобретения высокоэффективных рыболовных траулеров, строительство которых в России в настоящее время возможно лишь при оснащении оборудованием западного производства, появились новые схемы приобретения судов. Либерализация законодательной и нормативной базы внешней торговли привели к увеличению объемов продаж, росту вывоза рыбопродукции с промысла за рубеж, в том числе бесконтрольного.

2. Влияние глобализации и рыночных факторов на доступ к рыбным ресурсам

Состояние запасов и численность рыб и морепродуктов изменяются как под действием природных факторов, так и в результате антропогенного влияния. Что касается доступности рыбных ресурсов для промысла, то она, наряду с природными и техническими составляющими, в решающей мере обусловлена политическими и экономическими факторами.

Исторически рыболовство на Северном бассейне базировалось на донных рыбах, главными из которых являются треска и пикша. В послевоенное время в промысел были вовлечены сельдь и мойва. В основном для облова донных рыб Баренцева моря – сельди и мойвы – сооружались суда и орудия лова. При этом траулеры отличались сравнительно небольшими размерами (длиной до 60 м) и ограниченной автономностью плавания по топливу (не более 1 месяца). Объемы промысла и его эффективность в основном определялись производительностью лова и количеством промысловых усилий. Однако впоследствии выяснилось, что запасы четырех главных промысловых объектов подвергаются значительным колебаниям и не обеспечивают стабильность крупномасштабного промысла. В результате этого промысел в отдельные годы или становился неэффективным и резко сокращался, или совсем прекращался.

Значительные колебания запасов и вылова в Северо-Восточной Атлантике, а также необходимость решения задачи по достижению потребления рыбной продукции не менее 20 кг на душу населения, стали основными факторами, побудившими изменить рыболовную политику СССР на освоение ресурсов Мирового океана и начать в 1954 г. строительство крупных рыболовных судов – больших морозильных рыболовных траулеров (БМРТ).

1956-1976 гг. были "золотым" периодом в развитии отечественного рыболовства: районы промысла ограничивались только 3-12 милями территориальных вод прибрежных государств, а наличие различных типов судов, построенных с помощью государства, позволяло промышлять практически в любой части Мирового океана, выбирая лучшие из них по состоянию биоресурсов.

Введение, начиная с 1976 г., прибрежными государствами 200-мильных экономических зон потребовало корректировки рыболовной политики стран с океаническим рыболовством, в том числе и СССР. Это был первый фактор, ограничивающий океанический промысел в глобальном масштабе. С этого времени биоресурсы в экономических зонах государств стали выделяться на договорной основе, как правило, платной. При этом в определенной мере учитывался вклад стран в открытие ресурсов, в их изучение, объемы добычи до 1976 г. В целом же доступ к ресурсам на шельфах стал затруднительным и резко сократился.

В 1982 г. была подписана Конвенция ООН по морскому праву, в соответствии с которой страна-владелец 200-мильной экономической зоны, должна представлять право лова недоосваиваемых

биоресурсов в своей зоне другим странам. Россия ратифицировала эту Конвенцию в 1995 г. Последующая практика показала, что приморские государства соглашаются предоставлять недоосваиваемые ресурсы лишь на компенсационной основе.

Если говорить о российском рыболовстве Северного бассейна, то оно в 90-х годах в определенной мере вернулось к положению 50-х годов: крупный флот под влиянием вышеназванных обстоятельств, а также в результате изменения экономической среды и непринятия своевременных мер по адаптации к ней покинул дальние районы, и промысел стал осуществляться в основном в Баренцевом море и других районах Северо-Восточной Атлантики (табл. 1).

Таблица 1. Динамика добычи рыбы и морепродуктов по районам промысла организациями Мурманской области

Показатели	1990	1994	1995	1996	1997	1998	1999
1. Вылов (общий), тыс. т	1177	521	605	683	702	663	757,1
1.1. Вылов хозяйствующих субъектов Мурманской обл.	1175	533,3	447,1	431,5	401	381,3	339,9
1.1.1. Прибрежный промысел	-	0,7	1,0	1,4	1,1	1,2	1,2
1.1.2. Внутренние водоемы	0,4	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
2. Структура вылова хозяйствующих субъектов РФ по укрупненным районам промысла, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2.1. Северо-Западная Атлантика	8,7	1,1	1,4	0,7	-	0,8	0,9
2.2. Северо-Восточная Атлантика	15,0	74,3	98,4	98,6	93,0	84,4	99,1
2.3. Центрально-Восточная Атлантика	16,3	9,0	-	0,7	7,0	14,8	-
2.4. Юго-Западная Атлантика	0,9	0,8	0,2	-	-	-	-
2.5. Юго-Восточная Атлантика	3,5	14,8	-	-	-	-	-
2.6. Арктическая часть Антарктиды	15,6	-	-	-	-	-	-
2.7. Тихий океан	40,0	-	-	-	-	-	-
3. Вылов при осуществлении научн. и исслед. программ (Северо-Восточная Атлантика), тыс. т	н/д	32,0	42,0	54,0	45,0	27,0	18,1

Как видно из таблицы, вылов в Северо-Восточной Атлантике с 15 % в 1990 г. возрос до 74,3-99,1 %.

Подобная ситуация и на других рыбопромышленных бассейнах. Так, промысловый флот Западного бассейна большую часть улова берет в Северо-Восточной и Северо-Западной Атлантике и все в большей мере претендует на рыбные ресурсы, ранее эксплуатируемые северянами. На Дальнем Востоке отечественный флот сосредоточился в российской экономической зоне.

Из 11 районов рыболовства в Мировом океане, где мы традиционно работали, российские рыбаки полностью ушли из трех: из Юго-Западной Атлантики (ЮЗА), Антарктической части Атлантики (АчА) и Юго-Восточной части Тихого океана (ЮВТО). Из 2-х – Юго-Западной части Тихого океана (ЮЗТО) и Западной части Индийского океана (ЗИО) – россияне практически ушли, т.к. там сейчас добывается лишь 1,5-3,0 % прежнего вылова. В 3-х районах – Центрально-Западной части Атлантики (ЦЗА), Юго-Восточной Атлантики (ЮВА) и Северо-Западной части Тихого океана (СЗТО) – добыча снизилась на 30-60 % (*Справка*..., 2000). В результате сейчас в российской зоне работает флот, мощность которого в 3-4 раза выше того, что была на этих промыслах в 80-е годы. Это не может не привести к истощению сырьевой базы. Например, уже в настоящее время американцами поднимается вопрос о запрете на 5 лет лова минтая – основного объекта промысла на Дальнем Востоке.

В настоящее время в целом доступные для промысла биологические ресурсы в российской экономической зоне осваиваются в целом на 75 %, в экономических зонах иностранных государств – на 40 %, в открытых районах Мирового океана – менее чем на 5 % (*Справка*..., 2000).

Уход российских судов из открытых районов океана и из экономических зон других государств ведет к потере наших возможностей возобновить промысел в этих местах в будущем. Дело в том, что эксплуатацию морских биоресурсов регулируют международные организации и прибрежные государства. Россия осуществляет сотрудничество в области морского рыболовства и управления биоресурсами с 46 странами мира и участвует в деятельности полутора десятков международных организаций, регулирующих рыболовную деятельность в Атлантическом, Тихом океанах, в Антарктике, в Баренцевом, Балтийском и Каспийском морях.

Выделение биоресурсов различным странам происходит с учетом фактического участия в промысле и вклада в их изучение. Однако из-за малого количества научно-исследовательских экспедиций по изучению морских ресурсов, недостаточного участия наших представителей в работе международных организаций и неполного освоения выделяемых квот, а часто и полного прекращения промысла в некоторых районах

позиции России в международных организациях ослабевают, и доля страны в общедопустимых уловах (ОДУ) различных промысловых объектов постепенно уменьшается и вряд ли будет увеличена в будущем. Особую активность в ущемлении рыболовных интересов России проявляют страны ЕС. Выступая единым фронтом в международных организациях, страны ЕС методично проводят линию на снижение квот России в международных водах, таких как море Ирмингера (окунь), Норвежское море (скумбрия) и других районах, хотя названные промысловые объекты и ряд других открыт российскими учеными и освоены нами.

Особенностью Северного рыбопромышленного бассейна является то, что лишь ~15-20 % всего вылова составляет улов в Российской экономической зоне, а остальные 80-85 % приходятся на зоны иностранных государств и международные воды, что требует тщательного сбора статистики и защиты российских интересов, постоянного обмена информацией с департаментами рыболовства иностранных государств и международных организаций через структуры Госкомрыболовства (*Тишков*, 2000).

Добыча рыбы и морепродуктов в иностранных зонах, как правило, ведется на платной основе – валютой или рыбой, и лишь стадо трески и пикши в СВА эксплуатируется Россией и Норвегией на паритетных началах. Однако норвежцы, пользуясь тем, что россияне больше половины улова тресковых будут добывать в их зоне, ужесточают требования к размерному ряду рыбы, ячее тралов и срокам лова. Например, в зоне Шпицбергена они в одностороннем порядке устанавливают минимальный промысловый ряд рыбы и размер ячеи, то есть распространяют свое внутреннее законодательство на континентальный шельф и фактически делают из 200-мильной рыбоохранной зоны – экономическую, нарушая Парижский Договор 1920 г. Уже наблюдались случаи выдворения российских судов из шпицбергенской зоны и даже ареста.

Другой дискриминационной мерой со стороны норвежских властей по отношению к российским рыболовным судам является занесение их в "черный" список за различные нарушения правил рыболовства, в том числе мелкие, и запрещение промысла в Норвежской экономической зоне (НЭЗ). Им разрешается вести добычу в НЭЗ только при наличии официального уведомления от норвежских властей, подтверждающего, что они из этого списка вычеркнуты.

Экосистема Баренцева моря и сопредельных вод устроена таким образом, что большинство обитающих здесь рыб при хорошем состоянии запасов растет и нагуливается в зоне России, а нерестится в водах Норвегии. Россия, наряду с Норвегией, принимает различные меры по охране молоди рыб, зачастую даже в ущерб российским рыбакам. Из этого следует, что оба государства должны выступать как равноправные владельцы биологических ресурсов моря и вести их эксплуатацию на паритетных началах. Однако до сего времени этот принцип применяется только в отношении трески и пикши, в то время как сайда, мойва, сельдь в больших объемах добывается Норвегией. Так, доля вылова сельди Россией составляет около 10 % ОДУ, мойвы – менее 40 %, сайду разрешено добывать в малых объемах только в виде прилова при промысле трески (2-5 % от ОДУ). Недостаток квоты сайды вынуждает российские суда покидать районы с высокими уловами крупной трески.

Следует отметить, что в борьбе за живые ресурсы моря противоречия существуют не только между Россией и другими странами. Так, одной из причин неучастия Норвегии и Исландии в Евросоюзе является факт, что его политика "открытого" моря противоречит их интересам. Этот факт пытается использовать Россия, налаживая сотрудничество с североевропейскими странами, направленное на защиту региональных биоресурсов от хищнического разграбления "еврофлотилиями" и судами под оффшорными флагами, фактические хозяева которых – американские, канадские и британские корпорации. По сообщениям наших СМИ, ведутся консультации о привлечении Фарер, а также Гренландии (также не входящих в Евросоюз) к норвежско-исландско-российскому сотрудничеству в разработке приарктических биоресурсов. Не исключено, что именно рыбная отрасль станет своего рода "полюсом" общерегиональной интеграции, а в перспективе – основой формирования торгово-экономического блока на Европейском Севере, альтернативного "маастрихтской" Европе. Во всяком случае, такой сценарий нередко прогнозируется исландскими, норвежскими и фарерскими СМИ (*Чичкин*, 1999).

3. Влияние изменений в экономической среде на проблему обновления флота

По состоянию на 01.01.1999 г., согласно данным Государственного судового реестра, в рыбной отрасли числилось 3862 судна, среди которых 65 % – добывающие. Общий физический износ промыслового флота составляет 50,9 %. И хотя, согласно последним научным данным, сырьевая база идет на уменьшение, ни у кого не вызывает сомнений, что флот надо омолаживать за счет строительства новых современных судов. Это диктуется, в первую очередь, необходимостью возобновления промысла в экономических зонах иностранных государств и в открытых районах Мирового океана, а также необходимостью сохранения и увеличения квот, выделяемых в традиционных районах.

Для этого, по данным Госкомрыболовства, требуется построить до 2010 г. 735 промысловых судов, а до 2015 г. – 1120 судов, в том числе около 330 единиц крупных и больших добывающих судов. Предполагаемый объем инвестиций до 2010 г. – 14 млрд долл. США, а до 2015 г. – 20 млрд долл. Для Северного бассейна до 2015 г. прогнозируется построить 207 судов на сумму 1140 млн долл. (*Соколов*, 2000).

В настоящее время из всевозможных схем строительства и приобретения судов на всех бассейнах предпочитают бербоут-чартер с правительственной гарантией последующего ресурсного обеспечения (вид международного лизинга с постепенным выкупом). При этом зарубежные кредиты, как правило, оговариваются обязательным предоставлением квот ценных видов рыб и регистрацией судна в оффшорной зоне на все время выплаты кредита и процентов: на срок около 10 лет. На практике это означает: гарантированный доступ к ценным рыбным ресурсам, уменьшение налогового бремени в несколько раз, огромные доходы (до 6 тыс. долл. в месяц) менеджеров с российской стороны, а в перспективе и современное судно, в основном за счет государственных ресурсов. Под видом бербоут-чартера происходит укрывательство финансовых средств, так как никто не может проконтролировать, на какую сумму реально заключается договор, какие платежи и на какие счета направляет получившая рыбопродукцию фирма. Налоговая нагрузка у фирм, эксплуатирующих суда на условиях бербоут-чартера, в несколько раз ниже, чем у предприятий, имеющих суда в собственности.

Характерен в этом смысле пример с "Рыбкомфлотом". Эта структура была создана в 1989 г. для строительства судов за рубежом. Под гарантии Минрыбхоза она получила 1,5 млрд долл. США зарубежных кредитов и построила 79 судов. Из них 30 ед. с началом приватизации, по сообщению СМИ, бесследно исчезли в недрах самой уполномоченной структуры. Оставшиеся 49 судов разошлись тогда по АО "Новороссийскрыбпром" и коммерческим организациям Дальнего Востока. Однако платежей за кредиты на протяжении 8 лет ни кредиторы, ни Россия не получали. В результате эта задолженность по кредиту теперь переложена на Россию в рамках общей задолженности Парижскому клубу, а 65,4 % собственности "Рыбкомфлота" посредством многократных манипуляций перешло во владение ТОО "Рифер", владельцы которого, бывшие граждане России, проживают теперь в Лондоне (*Сапожников*, 2000).

По схеме бербоут-чартера 3 траулера построены и 2 еще строятся в Дании для Северного бассейна. По подсчетам специалистов Госкомрыболовства эксплуатация 3-х построенных судов типа "Севрыба" обернулась для страны ежегодной потерей минимум 200 млн долл. налоговых платежей и разбуханием "зарубежной квоты" (*Сапожников*, 2000). Кроме новых судов в российском рыбопромышленном комплексе используется на условиях бербоут-чартера траулеры, бывшие в эксплуатации, с возрастом, как правило, в 20-30 лет (на Северном бассейне таких судов около 40 ед.).

Аренда судов на условиях бербоут-чартера привела к тому, что свыше 20 % российских ресурсов работают на чужую экономику. Негативные последствия приобретения судов по бербоут-чартеру остро ставят вопрос об альтернативных вариантах обновления флота.

На первый план выдвигается строительство траулеров на отечественных верфях. Однако на этом пути к известной проблеме недостатка финансовых средств прибавляются другие: отсутствие проектов современных судов, экономичных энергетических судовых установок, траловых комплексов, оборудования для рыбофабрик, радионавигационных и поисковых приборов.

Фактически российские верфи в настоящее время могут строить только корпуса судов, что составляет лишь около 40 % стоимости траулера. Начинку судов необходимо делать за границей или импортировать оборудование. И то, и другое ведет к значительному удорожанию судов ввиду необходимости уплаты пошлины и НДС. С 1 июля 2000 г. от НДС освобождено ввозимое оборудование, аналогов которого нет в России. Однако это постановление распространяется на очень ограниченный перечень судового оборудования.

Несмотря на все это, Госкомрыболовство изыскивает финансовые ресурсы, и разрабатывает схемы финансирования строительства рыбопромысловых судов на российских верфях. Предполагается за счет продажи квот биоресурсов формировать фонд для оплаты строительства судов по лизинговой схеме.

Проблемы обновления и модернизации судов остро стоят перед российскими рыбопромышленниками не только по причине их физического старения. В некоторых странах Запада по экологическим требованиям намечается запретить заход в порты судов старше 15 лет. Интеграция в мировое рыболовство связана с необходимостью переоборудования рыбофабрик в соответствии со стандартами ЕС. В противном случае продукция российских судов не будет допускаться на европейский рынок.

Значительные финансовые средства требуются для оборудования судов аппаратурой, обеспечивающей вхождение в глобальную систему безопасности мореплавания, без чего также запрещаются заходы в иностранные порты.

4. Изменения во внешней торговле рыбопродукцией

В Советском Союзе экспорт рыбопродукции был централизован и в значительной части осуществлялся в виде обменных операций. В 80-е годы экспорт рыбопродукции составлял всего около 10 % от общего объема ее производства, в 1990 г. – 13,0 % (~640 тыс. т). В последующие годы шла постепенная либерализация законодательной и нормативной базы экспортно-импортных операций, и в результате вывоз рыбной продукции из России за рубеж в 1998 г. достиг 44,1 % от общего объема ее производства (1168 тыс. т) (*Наше хозяйство*, 2000).

В Мурманской области рыбная продукция является одной из важнейших составляющих экспорта. По данным областной администрации, в 1999 г. ее доля в общем объеме экспорта товаров в стоимостном исчислении составила 30 %, а экспортная составляющая рыбы и морепродуктов в общем объеме товарной пищевой рыбопродукции в натуральном измерении – 63,6 % (167,6 тыс. т). За границу вывозится 83-90 % улова трески, 50-85 % – пикши, 98-100 % – креветок и 95-99 % – морского гребешка. Основным импортером рыбопродукции является Норвегия: 55 % всей вывезенной продукции в 1999 г.

Таким образом, официальные данные о поставках рыбопродукции Россией за границу в 1998 г. в 1,83 раза превышают экспорт Советского Союза в 1990 г. (эксперты полагают, что фактический вывоз рыбопродукции за рубеж в последние годы значительно превышает официальные данные).

Экспорт продукции в целом является положительным явлением, так как любая страна стремится иметь положительный баланс во внешней торговле, что способствует росту одного из основных показателей экономической мощи государства и устойчивости экономики – золотовалютного запаса, и совершенствованию технологического уровня производства. Однако у экспорта рыбопродукции Россией в нынешнем виде больше отрицательных сторон, чем положительных.

Чрезмерный отток рыбной продукции за рубеж, где выше цены и платежеспособный спрос населения, не позволяет создать соответствующую конкурентную среду, снизить цены и увеличить потребление рыбных товаров в России, в том числе в приморских городах базирования рыболовных флотов. Если в 80-е годы потребление рыбной продукции достигало 20 кг на душу населения, то в настоящее время – только 9 кг.

Реализация значительной части рыбопродукции за рубежом сформировала у рыбопромышленников представление об уровне цен на тот или иной вид товара, и они стремятся осуществлять продажи в России примерно по среднеевропейским ценам, не учитывая тот факт, что платежеспособность населения в несколько раз ниже.

Серьезной проблемой является бесконтрольность поставок рыбопродукции за рубеж, что ведет к контрабанде, несоблюдению квот вылова, снижению валютной выручки и налоговых поступлений, дестабилизации цен на внешнем рынке, истощению биологических ресурсов моря. По данным Госкомстата России и ГТК, в 1998 г. из 938 тыс. т общего объема вывоза пищевой рыбной продукции за рубеж лишь 351 тыс. т (37,4 %) экспортирована с таможенной территории России. А по закону "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности" операции по вывозу рыбы и морепродуктов за рубеж из районов промысла, находящихся за пределами таможенной территории страны, экспортом не являются. Эта продукция не облагается таможенными пошлинами и НДС. Несмотря на то, что проект, устраняющий это несоответствие, поддержан Советом Думы еще в 1997 г., законодательно он не оформлен. В результате в последние 10 лет наблюдается интенсивное расхищение морских биоресурсов страны, в том числе нашими рыбаками. По данных Госкомрыболовства, количество ввезенных ими в Японию морепродуктов в 2,6 раза по объему и в 5,9 раз по стоимости больше, чем официальные показатели российского экспорта. В результате государство теряет от 700 млн до 1 млрд долл. ежегодно (*Ильин*, 2000).

Норвежцы, по мнению российских экспертов, также используют неучтенные поставки рыбопродукции к своей выгоде. Индикатором этого являются не уменьшающиеся поставки при снижении квот вылова.

Главная причина названных явлений – отсутствие декларирования рыбопродукции, вывозимой с моря за рубеж. Лишь спустя 10 лет Госкомитет по рыболовству предпринимает усилия, чтобы поломать порочную практику. Ужесточен контроль за судами, ведущими промысел в экономической зоне Российской Федерации. В этих целях в Петропавловске-Камчатском и в Мурманске развернуты региональные центры спутникового слежения, а каждое рыболовецкое судно оборудуется специальным датчиком, позволяющим в любое время определить, где оно находится, чем занимается и куда следует.

На границах морской экономической зоны и континентального шельфа России введены контрольные пункты, в которых может проверяться фактический объем продукции на борту, его соответствие нормам вылова и декларации, которую обязан заполнить капитан.

Наконец, по заявлению руководства Госкомрыболовства, может быть введен обязательный заход в российские порты всех судов для декларирования продукции, что является обычной практикой абсолютного большинства рыболовных стран.

Интеграция в мировое хозяйство невозможна без учета технологических процессов по обработке рыбы и повышения санитарных и экологических требований к обустройству производств. В этих целях в период с 1996 г. по 1999 г. Госкомрыболовство РФ зарегистрировало в Комиссии ЕС свыше 300 предприятий. В то же время в результате проверок на соответствие требованиям ЕС более 20 предприятий исключены из реестра ЕС (*Корчинский*, 2000).

В таможенной политике стран ЕС явно прослеживается линия на защиту своих рынков от продукции глубокой переработки, в том числе из России. Ввозная пошлина на мороженую рыбу из России в страны ЕС – 16 %, на филе – 18 %. В то же время импортная пошлина на филе из Норвегии в пределах квоты составляет менее 8 %. Многим странам Европейского Союза предоставляют преференции от 31 до 85 % ставки таможенной пошлины. России преференции не предоставляются.

Ввозная пошлина на рыбопродукцию из России в США составляет: на готовую – 7,8 %, на полуфабрикаты – 6,1 %, на сырье – 1,8 % (*Корчинский*, 2000).

Приведенные данные свидетельствуют, с одной стороны, о неготовности России к экспорту высокотехнологичной рыбной продукции вследствие низкого технического уровня производственного аппарата и его несоответствия европейским и американским стандартам, с другой – о трудностях выхода на мировые рынки с продукцией глубокой переработки в связи с высокими импортными тарифами на нее. Мировому сообществу, в первую очередь Норвегии, Исландии, Японии и Корее, в определенной мере удалось поставить рыбную отрасль России себе на службу в качестве поставщика рыбного сырья. Несомненно, что негативную роль в этом играет отсутствие соответствующей государственной политики: рыболовной, таможенной, налоговой.

5. Заключение

Итак, если комплексно оценивать последствия интеграции России в мировое рыбное хозяйство, то можно отметить как положительные, так и отрицательные аспекты.

Либерализация экспортно-импортного законодательства позволяет выживать российскому рыболовству в рыночных условиях хозяйствования, приобретать в бербоут-чартер как новые, так и бывшие в эксплуатации суда, на которых можно вырабатывать продукцию, соответствующую мировым и европейским стандартам. Появившаяся возможность создания совместных предприятий по добыче и обработке биоресурсов способствует получению и освоению передовых технологий.

С другой стороны, в условиях обострившейся борьбы за биологические ресурсы и отсутствия протекционистской рыболовной политики со стороны государства, Россия уступает позиции в мировом рыболовстве. На российском шельфе погоня за прибылью и недостаточный контроль приводят к расхищению и переэксплуатации ценных биоресурсов.

Необходимость расплаты за суда, находящиеся в бербоут-чартере, высокие импортные пошлины на готовую рыбопродукцию на европейском и американском рынках, высокие требования к санитарно-гигиеническим условиям производства превращают российское рыбное хозяйство в поставщика рыбного сырья для европейских стран, Японии, Кореи и др. Этому способствует неэффективная российская таможенная политика.

Отсутствие координации в экспортно-импортных операциях со стороны национальных органов приводит к ненужной конкуренции среди российских рыбаков, к дестабилизации цен и потерям прибыли.

Реализация значительной части рыбопродукции за рубежом оказывает значительное влияние на уровень цен в России, особенно в приморских регионах.

Для улучшения положения в российском рыбопромышленном комплексе необходимо:

– усиление позиций России в международных организациях, занимающихся изучением сырьевой базы и регулированием рыболовства, а также и при двухсторонних переговорах с рыболовными державами, в том числе с Норвегией;

– создание правовых и экономических условий для строительства эффективных судов в России;

– усиление контроля за продажами рыбы с моря за рубеж, либерализация таможенного законодательства при заходах траулеров в российские порты, сокращение трансакционных издержек при заходах судов в российские порты.

Литература

Ильин В. Рыбакам закон не писан? Закон принят Госдумой. Слово – за Советом Федерации. *"Российская газета"*, № 176, 2000.

Наше хозяйство. Рыбная отрасль сегодня. *"Севрыба"*, № 8, 2000.

Корчинский В., О регулировании внешнеэкономической деятельности по проблемам производства торговли рыбными товарами. *"Севрыба"*, № 10, 2000.

Сапожников А. Тоска по твердой руке. *"Рыбная столица"*, № 17, 2000.

Соколов В. Дым отечества... горек. *"Рыбная столица"*, № 28, 2000.

Справка о разработке целевой комплексной программы развития рыбного хозяйства Северо-запада России на период до 2010 г. *М., фонды ВНИЭРХ*, 20 с., 2000.

Тишков Г. "Севрыба" по-прежнему тянет свою лямку. *"Севрыба"*, № 15, 2000.

Чичкин А. Евроарктике – общий невод. *"Севрыба"*, № 8, 1999.